

Алейников Андрей Викторович

доктор философских наук,
доцент кафедры конфликтологии
Института философии
Санкт-Петербургского государственного университета

Мальцева Дарья Александровна

кандидат политических наук,
ассистент кафедры теории и философии политики
Санкт-Петербургского государственного университета

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ: ОСНОВНЫЕ СВОЙСТВА И УСЛОВИЯ УНИВЕРСАЛЬНОСТИ

Аннотация:

В статье подчеркивается концептуальная значимость процесса создания стратегических моделей в политике на базе методологии стратегического менеджмента. Основными причинами повышения интереса к анализу использования стратегических моделей в рамках современных политических процессов являются возрастающий уровень нестабильности сегментов государственных систем, затянувшиеся политические и экономические кризисы, а также отсутствие разработанных сценариев разрешения конфликтов в современном академическом дискурсе.

Ключевые слова:

стратегические модели, стратегический менеджмент, политические стратегии, политическая эффективность.

Aleynikov Andrey Viktorovich

D.Phil. in Philosophy, Associate Professor,
Conflict Resolution Studies Department,
Institute of Philosophy,
Saint Petersburg State University

Maltseva Daria Aleksandrovna

PhD in Political Science,
Assistant, Theory and Philosophy of Politics Department,
Saint Petersburg State University

STRATEGIC MODELS IN POLITICS: BASIC PROPERTIES AND CONDITIONS OF UNIVERSALITY

Summary:

The article emphasizes conceptual importance of strategic modeling in politics based on the strategic management methodology. The main reasons of growing interest to the analysis of strategic models operating within political process are increasing instability of major segments of political systems, prolonged political and economic crises, as well as the lack of approved conflict resolution scenarios in the contemporary academic discourse.

Keywords:

strategic models, strategic management, political strategies, political efficiency.

Политическая деятельность исследуется практически во всех видах социально-гуманитарного знания, что подчеркивает множественность ее измерений, поскольку она выступает в качестве одного из важнейших регуляторов социальных отношений. Законы коэволюции и трансформации современных цивилизаций детерминировали тесную связь политологического научного пространства с фундаментальным знанием экономической науки. Социально ориентированное свойство политики, ее мультифункциональность в рамках экономической детерминированности являются неотъемлемым атрибутом развития общемировых цивилизаций, а также способствуют примирению как гражданских, так и государственных интересов в рамках анализа политики как важнейшей процессуальной стороны сложно дифференцированных социальных систем.

Несмотря на популярность экономических практик в рамках анализа политического поля на протяжении последних десятилетий, исключительно экономические схемы анализа политики не являются достаточными с теоретико-методологической точки зрения. Рыночно ориентированные концепции в политической науке, в которых доказывается мысль о тотальной детерминированности политического пространства исключительно экономическими закономерностями развития и постулируется универсальность применения статистических процедур для анализа политической сферы, рассматривают в политической деятельности стратегические сценарии, чреватые неприемлемым ущербом, как стратегически актуальные даже при весьма малой вероятности их развития. В свою очередь, образы желаемого будущего сегодня построены прежде всего на гарантированном исключении неприемлемых вариантов, что ведет к созданию иммунной социально-политической системы, способной к саморазвитию и противодействию привнесенным негативным явлениям.

Таким образом, современная политическая наука оказалась в ситуации пересмотра классического экономического подхода к анализу политического пространства для обеспечения легитимности политической власти, поддержания стабильности политических систем, а также повышения индексов эффективности управления. Необходимы поиск актуальных теоретико-фило-

софских комбинаций, внедряемых в дискурс политологических исследований, а также анализ новых смыслов и категорий в пространстве политики с учетом быстроменяющихся условий внешней среды. Это подразумевает комплексный анализ политических процессов, основанный на имплементации инновационных технологических методик построения стратегических моделей, существенно дополняемый прогрессивными наработками экономической теории, фундаментальным знанием военного искусства, истории, философии и политической науки, а также синтезом современных маркетингово-менеджеральных теорий.

Политические стратегии, тесно связанные в рамках данной статьи с понятием моделей, уже давно стали привычным феноменом как зарубежной, так и российской политической жизни. Однако практика использования политических стратегических моделей сегодня заметно опережает становление научного знания о них. Несмотря на формальное развитие представительных демократий в современных государствах, очевидна необходимость назревших преобразований в политике с учетом все большей интенсивности информационного развития дифференцированного общества, нуждающегося в обеспечении должного уровня интерактивности и прозрачности публичного политического процесса. Именно в подобных случаях особое внимание привлекают стратегические модели, представляющие собой проекцию эффективного паттерна оптимального политического поведения, отвечающего в равной степени государственным и общественным интересам. Политические стратегические модели являются рациональной попыткой понять, каким образом можно избежать привычных политических потрясений, форсировать темпы развития политической структуры государства во всем ее многообразии, а главное – установить стратегическое согласие в социуме, добиться ценностного консенсуса власти и населения и, как следствие, имплементации общегосударственного вектора политической, экономической и культурной модернизации.

Обратимся к анализу стратегических моделей в политике. Как известно, специфика изучения феномена стратегического искусства базируется на утверждении непосредственной эволюционной смены теоретических школ стратегий. Зародившись в первой половине XX в. в форме долгосрочного прогнозирования, процесс выработки стратегий выдвигал одну единственную базовую цель – составление прогноза деятельности на несколько последующих лет. При этом в связи с крайне медленными (в сравнительной перспективе) темпами нарастания характеристик изменчивости окружающей среды долгосрочное планирование, циклическое по своей сути, как в экономике, так и в сфере политического, основывалось на экстраполяции уже сложившихся в прошлом тенденций развития той или иной структуры на современное ее состояние. По мере нарастания внутренних кризисных явлений и усиления напряженности в международных отношениях стало вполне очевидным, что прогнозы на основе экстраполяции неминуемо расходятся с событиями реальности, а оптимистические цели в корне не соответствуют итогам.

По мнению классика теории менеджмента Питера Друкера, особенно характерным примером несостоятельности долгосрочного прогнозирования выступила непосредственная работа администрации президента США Кеннеди. Несмотря на блестящий состав его администрации, ее членам удалось достичь лишь одного фундаментального политического успеха – выхода из Карибского ракетно-ядерного кризиса. Основная же причина неудачного завершения иных начинаний заключалась в том, что в дальнейшем получило название стратегического прагматизма, а именно в концентрации управления на предпосылках, характерных для послевоенного периода, но уже изживших себя для апробации в национальной и международной политике 60-х гг. [1, с. 50].

Таким образом, в условиях динамично меняющейся политической и экономической среды, трансформации культурных ценностей и все большего закрепления общемировой конкуренции выкристаллизовалась новая парадигма, принципиально отвергнувшая идею о предсказуемости и предопределенности любых мировых процессов, как на микро-, так и на макроуровнях, которая получила название стратегического планирования. На смену обращения к опыту прошлого пришли механизмы оценки внутренних структур организации, ее потенциала и целей, а также анализа внешнего окружения, детерминирующего ее эффективность. В структурах политического консультирования стали появляться элементы современной сравнительной политологии, направленные на оценку реалий зарубежной действительности, широкое распространение получили системы оценки динамик и рисков. Однако перманентно трансформирующиеся запросы общества консюмеризма в 80–90-е гг. вновь поставили вопрос о поиске новой парадигмы управления политическими и экономическими процессами. Недостаточная динамичность механизмов стратегического планирования в условиях процветания информационного общества, процессов глобализации, высокой мобильности ресурсов, кризиса идеологий и т. д., минимизированный акцент на оперативном действии в комплексе с долгосрочным привели к формированию нового пласта в стратегической теории, расположившегося на стыке компетенций современного менеджмента и маркетинга и получившего название стратегического менеджмента, методология которого является формообразующей для создания стратегических моделей в политическом пространстве.

В самом общем смысле термин «моделирование», вводимый для обозначения процесса построения стратегий в данной статье, обозначает изучение определенного объекта или процесса путем работы с его моделью, под которой обычно подразумевается крайне схожий с реальным артефакт, имеющий существенный потенциал с точки зрения полноты познания. Ряд исследователей полагают, что любой предмет можно смоделировать посредством любого другого предмета, однако построение подобных аналогий видится весьма поверхностным [2, с. 34]. Безусловно, моделирование не дает исследователю полного сходства с изучаемым объектом, ведь в противном случае оно стало бы прямым аналогом эксперимента, но нормативно отображает наиболее существенные характеристики прототипа.

Достаточно неоднозначной представляется проблема соотношения понятий «модель» и «теория». В самом общем смысле инструментами модели являются управление и конструирование, в то время как теория призвана объяснять явления и процессы. Таким образом, становится очевидным, что теория представляет собой нечто более абстрактное, нежели модель. В своей работе «Логика объяснения» К. Гемпель писал, что теория состоит из моделей, базирующихся на правилах соответствия. Первое соответствие касается реальной организации социального порядка и того, каким видит этот порядок модель. Второе соответствие указывает на необходимость максимального сближения концептуального аппарата моделей и общей теории. И, наконец, третье условие соответствия зависит от соотношения социального порядка и непосредственно общей теории [3]. Таким образом, получается, что идеальная теория состоит из огромной иерархии моделей, призванных конструировать процессы с максимальной долей их эксплицированности.

Весь диапазон моделей условно можно разделить на два типа, базируясь на специфике назначения последних. В первую очередь речь идет о моделях-структурах, призванных внести ясность в процессы анализа свойств объекта, его функций и оценки результатов деятельности. Второй тип моделей получил название проектных моделей и ориентирован, скорее, на динамическую оценку объекта, прогнозирование изменения его специфических особенностей во времени и пространстве. Модели обоих типов способны проявлять как когнитивную, так и формальную сущность. Отметим, что моделирование в социально-политической сфере носит, скорее, когнитивный характер, нежели формальный, однако качественные пути построения моделей должны быть дополнены механическими и информационными формами моделирования, что в совокупности придает самому процессу построения стратегий черты непротиворечивости, методологической адекватности и корректности.

При рассмотрении политического пространства стратегическое моделирование представляет собой процесс разработки и имплементации наиболее эффективных моделей реализации политической власти, направленной на удовлетворение потребностей политических акторов, институтов и населения. В данном контексте процесс стратегического моделирования в политике примиряет частные, государственные и общественные интересы, что существенно повышает исследовательский интерес к данной проблематике. Создание классических политических стратегий, которое является процессом разработки наиболее эффективных способов реализации политического действия, в равной степени может считаться как виртуозным искусством, философией мышления, так и сугубо теоретической формой знания, потому как сущность этих стратегий тяготеет к преобладанию в них уникальных свойств, продиктованных реалиями политических трансформаций, то жестко «законсервирована» в рамках последовательного воспроизводства накопленного теоретического бэкграунда, что исключительно в квинтэссенции формирует базу для построения грамотных и эффективных стратегий в политическом пространстве.

Конец XX в. крайне остро поставил вопрос о пересмотре актуальности процесса формулирования и имплементации стратегий в качестве необходимой составляющей экономического и политического пространств, обвиняя стратегии в непоследовательности, склонности к иррациональности, прикладной неуниверсальности и т. д. Подобный факт напрямую зависит от склонности современных исследователей к чрезмерному проявлению индивидуального подхода в создании стратегий, смещению в сторону одноразового консалтинга и возвращению к использованию стандартного кейс-метода, популярного в самом начале изучения стратегий, в то время как нынешние политические реалии требуют поиска статистических зависимостей между разрабатываемыми стратегиями и полученными результатами, а также изучения каузальных связей в новом институциональном контексте. Именно поэтому кажется необходимым существенно упорядочить понятие стратегий, дисциплинировать их сущность и структуру путем концептуального слияния с наполнением моделей как научного феномена, к основным свойствам которых относятся свехупрощенность, типичность, формализованность, что в результате синтеза с креативным потенциалом классических стратегий детерминирует их способность отвечать вызовам, продиктованным современным политическим пространством, а именно требованием формирования об-

щеприменимых паттернов поведения как в сфере политической конкуренции, так и в поле государственного управления, направленных на усовершенствование всего политического дискурса как системы повышения эффективности процессов, происходящих в его границах.

В завершение вышеприведенного анализа выделим условия универсальности применяемых стратегических моделей в политике:

– согласованность и сплоченность, то есть способность акторов политического пространства успешно использовать внутренние коммуникационные каналы между иерархическими структурами, институтами и секторами при подготовке и принятии ключевых решений;

– компетентность – адекватный существующим реалиям политической жизни уровень рациональной оценки ситуации и понимание центральных проблем деятельности;

– легитимность – уровень общественной поддержки и конформизма, то есть способность акторов пространства формировать у управляемых социальных масс представление о наибольшей приемлемости собственной деятельности на фоне других игроков, трансакция ценностей и установок;

– эффективность – инструментальный показатель оценки эффективности принимаемых решений и имплементации результатов в политическую сферу.

Таким образом, вполне очевидно, что своевременное внедрение стратегических моделей гармонизирует политический процесс, добавляя в него элементы системности и рациональности, что существенно снижает политические риски, адаптирует общество к позитивному восприятию модернизационного процесса, а также повышает индексы доверия.

Ссылки:

1. Друкер П. О профессии менеджера. СПб., 2008.
2. Мамзин А.С. История и философия науки : учеб. пособие для аспирантов. СПб., 2008. С. 34.
3. См.: Гемпель К. Логика объяснения. М., 1998.

References:

1. Drucker, P 2008, *Profession manager*, St. Petersburg.
2. Mamzin, AS 2008, *History and Philosophy of Science*, St. Petersburg, p. 34.
3. See: Hempel, K 1998, *Logic of explanation*, Moscow.